

Э. Д. Фролов

КОРИНФСКИЙ КОНГРЕСС 338/7 г. до н. э. И ОБЪЕДИНЕНИЕ ЭЛЛАДЫ

В ПОЛИТИЧЕСКОЙ истории Эллады Коринфскому конгрессу 338/7 г. до н. э., бесспорно, принадлежит видное место. Созванный македонским царем Филиппом II вскоре после решающей победы его над греками при Херонее, этот конгресс как бы подвел черту под целым периодом греческой истории, основанным на принципах полисной свободы и автономии. В решениях конгресса нашло отражение новое соотношение сил, сложившееся на Балканском полуострове. Более того, провозглашенная им программа в какой-то степени определила все развитие Греции и Македонии, Запада и Востока в ближайшие полтора десятилетия. Кажется, что решения Коринфского конгресса стали исходным пунктом в формировании новой политической системы, которую мы теперь кратко ради именуем словом «эллинизм».

Историческое значение Коринфского конгресса в той или иной степени сознавалось уже древними — непосредственными участниками и современниками и последующими писателями-историками. Их вниманию мы обязаны сравнительным обилием материалов, которыми мы теперь располагаем для реконструкции этого исторического явления. Среди этих материалов два документа служат для нас первоисточниками. Это, во-первых, надпись IG, II III², № 236 (Syll.³, № 260; Tod, II, № 177), найденная на афинском акрополе. Она содержит текст договора о мире и союзе между греческими городами и царем Филиппом, очевидно, составленный для Афин вариант общего договора, выработанного на Коринфском конгрессе. Надпись дошла в сильно поврежденном виде; сохранившиеся части ее содержат: фрагмент *a* — заключительную часть клятвы на верность договору, фрагмент *b* — перечень общин, вступивших в союз, с указанием количества голосов, которым эти общины располагали в общесоюзном Совете.

Другой важный документ — сохранившаяся в Демосфеновском корпусе речь «О договоре с Александром» (XVII), которая, по-видимому, не принадлежит Демосфену; подлинность ее на основании особенностей языка и стиля была поставлена под сомнение еще в древности. Но если автором ее был не Демосфен, то, во всяком случае, его современник — какой-то афинский оратор (древние думали о Гипериде или Гегесиппе), который тоже, подобно Демосфену, был врагом Македонии. Речь датируется приблизительно 335 г.; ее содержание сводится к доказательству того, что Александр своими действиями в Греции нарушает договор об общем мире,

очевидно тот самый, который он заключил с греками в 336 г. и который в существенных своих частях повторял договор Филиппа¹. Упреки, адресуемые оратором Александру, а в еще большей степени прямые ссылки на текст договора позволяють составить достаточно полное представление о той части его, которая касалась установления гражданского мира в Элладе. В этом отношении речь «О договоре с Александром» оказывается важным дополнением к найденной в Афинах надписи, а вместе они дают достаточно материала для суждения о договорах 338/7 и 336 г. в целом².

Афинская надпись и речь Псевдо-Демосфена содержат ценные сведения о решениях, выработанных Коринфским конгрессом. Однако они ничего (или почти ничего) не дают для суждения об истории конгресса, его подготовке и работе. Здесь приходится обращаться за помощью к позднейшим источникам, к трудам писателей, отделенных значительным промежутокм времени от интересующего нас периода и потому (а также в силу своеобразного понимания ими задач истории) недостаточно точных в освещении событий прошлого. Все же нельзя отрицать того, что рассказы этих писателей, опирающихся на все еще непрерывную историческую традицию, могут содержать ценную информацию. И действительно, у Диодора, Помпея Трога (в переложении Юстина), Плутарха и Арриана мы находим подробности, позволяющие судить о Коринфском конгрессе как об историческом событии и одновременно помогающие лучше понять и его решения.

Хотя все эти свидетельства носят отрывочный характер³, тем не менее в совокупности они представляют достаточно содержательный материал, который давно уже привлекал внимание исследователей. Удачное соединение и восстановление А. Вильгельмом фрагментов аттической надписи IG, II/III², № 236⁴ дало особый толчок к изучению этой темы. Особенно плодотворно потрудились здесь У. Вилькен, который в ряде статей внимательно разобрал весь относящийся к теме материал и дал наиболее убедительную реконструкцию самого события⁵. Но и после, казалось бы, исчерпывающих исследований Вилькена интерес к теме Коринфского конгресса не прошел⁶, и уже после второй мировой войны этот сюжет

¹ О возобновлении Александром соглашения с греками в Коринфе см. Diöd., XVII, 4; Plut., Alex. 14,1; Arr., Anab. I, 1; Justin., XI, 2, 4—6.

² С времени и обстоятельствах составления приписываемой Демосфену речи «О договоре с Александром» подробнее см. F. Blass, Die attische Beredsamkeit, ч. III, разд. 2, Lpz², 1898, стр. 146—151; ср. также примечания С. И. Радцига в его издании: Демосфен. Речи, М., 1954, стр. 545 сл.

³ Ср. горестное восклицание У. Вилькена в начале его первой статьи о Коринфском конгрессе: «Also Fragmente, nichts als Fragmente, bei Schriftstellern wie auf Steinen!».

⁴ A. Wilhelm, Attische Urkunden, 1. Urkunden des korinthischen Bundes der Hellenen, «Sitzungsber. d. Akad. Wiss. in Wien», т. 165, 6, 1910 (1911), стр. 1—55.

⁵ U. Wilcken, Beiträge zur Geschichte des korinthischen Bundes, «Sitzungsber. d. Akad. Wiss. zu München», 10, 1917, стр. 1—40; он же, Alexander der Grosse und der korinthische Bund, «Sitzungsber. d. Akad. Wiss. zu Berlin», XVI, 1922, стр. 97—118; он же, Philipp II. von Makedonien und die panhellenische Idee, там же, XVIII, 1929, стр. 291—318. Реконструкция надписи IG, II/III², № 236 (фрагмент а), предложенная Вилькеном в статье 1929 г., на наш взгляд, наиболее удачна, она положена в основу нашего исследования.

⁶ См., в частности, W. Schwan, Heeresmatrikel und Landfriede Philipps von Makedonien («Klio», Beih. 21), Lpz, 1930; F. Schell, Zum korinthischen Bund vom Jahre 338/37 v. Chr., JOAJ, XXVII, 2, 1932, стр. 115—145; A. Momigliano, La κοινή ειρήνη dal 386 al 338 a. C. RF, N. S., XII, 4, 1934, стр. 482—514; H. O. Raue, Untersuchungen zur Geschichte des korinthischen Bundes. Diss., Marburg, 1937; F. Hamel, Die griechischen Staatsverträge des 4. Jahrhunderts v. Chr. Geb., Lpz, 1938, стр. 34 сл., 89 сл., 134 сл.

вновь не раз подвергался изучению, например в статьях американского исследователя К. Роубака и советского — В. Г. Боруховича⁷.

Нельзя, таким образом, пожаловаться на недостаток внимания к теме Коринфского конгресса со стороны ученых нового времени, однако возможности исследования здесь далеко еще не исчерпаны — и по существу, ради уточнения отдельных деталей, и в более общем плане, с позиций все время меняющихся общеисторических и методологических установок. По крайней мере вся предшествующая история изучения Коринфского конгресса являет собой пример непрерывного изменения и общей оценки этого исторического события, и конкретного угла зрения, под которым оно рассматривалось.

Для И. Дройзена и Ю. Белоха, этих классических представителей пангерманизма в науке древней истории, Коринфский конгресс был торжеством национальной идеи, а его устроитель Филипп II оказывался одной из центральных фигур греческой истории, одним из самых результативных ее деятелей, сумевшим преодолеть злополучный партикуляризм греков и объединить их ради спасения их же собственной национальности и для выполнения новой исторической миссии — распространения эллинизма на Восток⁸.

Однако уже во времена Белоха ряд исследователей, например Ю. Кэрст, а затем в особенности Вилькен, справедливо подчеркивали, что исходным пунктом для политического творчества Филиппа явилась не панэллинская идея, а забота о могуществе собственно македонской державы. Эти исследователи не отказывали Филиппу II в историческом значении, но лишь постольку, поскольку он, по их мнению, оказался достаточно прозорлив для того, чтобы в панэллинской идее усмотреть инструмент своей великодержавной политики и политическую консолидацию Эллады сделать основанием собственного могущества⁹. Таким образом, если уже здесь были высказаны существенные оговорки, то еще дальше пошел Р. Пёльман, не только отрицая надпартийную беспристрастность Филиппа в греческих делах, но и подчеркивая насильственность способа, которым Филипп объединил Элладу, а стало быть, искусственность и эфемерность самого объединения¹⁰.

Все это не мешает, однако, западной науке еще и сейчас видеть в Филиппе II великого исторического деятеля, который хотя и использовал панэллинскую идею в качестве инструмента собственно македонской политики, тем не менее своим политическим творчеством заложил основу для выполнения уже Александром всемирно-исторической задачи — завоевания греками Востока¹¹.

Что касается советской науки, то она никогда не отрицала большого исторического значения Коринфского конгресса. При этом внимание советских исследователей привлекала главным образом социальная сторона, т. е. вопрос о том, какие социальные силы стояли за объединение Греции под властью македонского царя и какое значение имело это политическое

⁷ C. R o e b u c k, The Settlements of Philip II with the Greek States in 338 B. C., *CPH*. XLIII, 2, 1948, стр. 73—92; В. Г. Б о р у х о в и ч, Коринфский конгресс 338 г. до н. э. и его решения, «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», вып. 46, 1959, стр. 199—211.

⁸ J. G. D r o y s e n, Geschichte des Hellenismus, I, 1, Gotha², 1877, стр. 44 сл.; K. J. V e l o c h, Griechische Geschichte, III, 1, B.—Lpz², 1922, стр. 576 сл.

⁹ J. K a e r s t, Geschichte des hellenistischen Zeitalters, I, Lpz — B., 1901, стр. 201 сл. (ср. позднейшее издание: Geschichte des Hellenismus, I, Lpz.—B.³, 1927, стр. 268 сл.); W i l c k e n, Philipp II..., стр. 291 сл.

¹⁰ Р. П ё л ь м а н, Очерк греческой истории и источниковедения, пер. с 4-го немецк. изд. С. А. Князькова, СПб., 1910, стр. 289 сл.

¹¹ См., например, Н. V e n g t s o n, Griechische Geschichte, München², 1960, стр. 317, 318 сл.

объединение для последующего социально-экономического развития древнего мира. Скрупулезно обосновывая классовый характер достигнутого при Филиппе политического объединения, подчеркивая, что оно было осуществлено прежде всего в интересах крупных собственников, рабовладельцев, советские ученые рассматривали его как важный момент в преодолении наметившегося в IV в. социального кризиса¹². Вместе с тем не осталась незамеченной и относительность, эфемерность достигнутого¹³, однако это обстоятельство было именно отмечено, но еще не обосновано надлежащим образом. Для такого обоснования требовалось обратиться к более обстоятельному анализу политической истории и прежде всего истории самого Коринфского конгресса, но эта сторона оставалась вне исследования¹⁴.

Сказанным определяется ответ на вопрос, в чем для нас состоит интерес и в чем мы видим задачу нового обращения к теме Коринфского конгресса. Мы хотели бы вернуться к истории Коринфского конгресса и, учитывая недостаточную разработанность этой темы в отечественной историографии и колебания оценок в историографии западной, заново рассмотреть важнейшие моменты и дать оценку всему событию *с политической точки зрения*.

Битва при Херонее 1 сентября 338 г. решила долголетний спор из-за гегемонии в Элладе. Победа македонского царя над союзным греческим войском, ядро которого составляли афиняне и фиванцы, была столь полной, а потери союзников — столь значительными, что ни о каком продолжении борьбы со стороны греков не могло быть и речи. Теперь Филипп был хозяином в Элладе, и он, разумеется, поспешил закрепить результаты военной победы соответствующим политическим урегулированием. При этом, опираясь на свой авторитет победителя и на свою реальную силу, он действовал решительно, но гибко, соразмеряя степень давления не только со своими ближайшими военно-политическими интересами, но и с политическим весом отдельных греческих полисов, а более всего стремясь к тому, чтобы установившаяся *de facto* македонская гегемония была надлежащим образом оформлена и закреплена общим политическим соглашением.

На первых порах, однако, Филипп занялся сведением счетов и урегулированием отношений с отдельными греческими государствами — участниками антимакедонской коалиции. С Фивами, которые были сильнейшим форпостом свободных эллинов в Средней Греции и сами претендовали на гегемонию в этом районе, Филипп расправился самым суровым и безжалостным образом. В город был введен македонский гарнизон. Были возвращены изгнанные ранее приверженцы Македонии, из которых теперь были образованы новый правящий совет и суд. Противники Филиппа были подвергнуты наказанию: одних казнили, других отправили в изгнание, имущество тех и других было конфисковано. Фивы были, таким образом, поставлены под жесткий македонский контроль. Вместе с тем были приняты меры к тому, чтобы на будущее пресечь чрезмерное усиление Фив в Беотийском союзе, а самому этому союзу, который остался существовать, создать поблизости какой-либо противовес. Первое было достигнуто восстановлением некогда разрушенных фиванцами Орхомена и Платей,

¹² См., в частности А. Б. Р а н о в и ч, Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950, стр. 23 сл., 25, 39; С. А. Ж е б е л е в, Возвышение Македонии и падение независимости Греции, в кн. «Древняя Греция», под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистов, М., 1956, стр. 476 сл.; Б о р у х о в и ч, ук. соч., стр. 199 сл.; В. С. С е р г е е в, История древней Греции, изд. 3-е, М., 1963, стр. 394.

¹³ Р а н о в и ч, ук. соч., стр. 234 сл.

¹⁴ Такого анализа мы не находим и в специальной статье В. Г. Боруховича, где исторический материал привлекается и используется лишь в объеме, необходимом для обоснования идеи союза крупных собственников-рабовладельцев Греции с македонской монархией.

второе — возрождением Фокидского союза. Фокидские города стали восстанавливаться еще до Херонейского сражения, по-видимому, одновременно по инициативе эллинских союзников и Филиппа. Теперь это дело было продолжено и даже облегчено тем, что Филипп сократил ежегодный репарационный взнос фокидян в казну Дельфийского храма с 60 талантов до 10¹⁵.

Не менее круто обошелся Филипп и с другими общинами Средней Греции и Пелопоннеса, которые имели смелость примкнуть к антимакедонскому лагерю. Эвбейский союз, созданный халкидянами Каллием и Тавросфеном, был уничтожен, в Халкиду был введен македонский гарнизон. Македонские войска заняли также Амбракию и Акрокоринф¹⁶. Тем более удивительным может показаться снисходительное и даже уважительное отношение Филиппа к Афинам.

Здесь известие о поражении вызвало сначала взрыв паники. Афины были главным инициатором антимакедонского выступления, и можно было опасаться, что Филипп захочет рассчитаться со своим давнишним оппонентом. Многие в ужасе стремились покинуть обреченный, как им казалось, город и найти убежище за пределами Аттики. Однако большая часть народа приготовилась к отчаянному сопротивлению. Было решено привести город в состояние повышенной обороноспособности, укрыть сельское население с наиболее ценным имуществом под защиту городских стен и призвать на военную службу всех, способных носить оружие. В связи с этим, по предложению Гиперида, было постановлено возвратить изгнанников, вернуть политические права тем, кто лишился их по приговору суда, предоставить права гражданства метекам и даровать свободу рабам. Для руководства обороной была намечена кандидатура известного полководца Харидема, давнего и непримиримого врага Филиппа¹⁷.

Однако, вопреки ожиданию, скоро стало ясно, что Филипп не торопится с вторжением в Аттику. Македонскому царю, в особенности после опыта с Византием, должны были быть ясны трудности осады такого большого морского города, как Афины, которые все еще сохраняли свою главную силу — флот и были готовы защищаться до последней возможности. С другой стороны, для македонского царя было выгоднее не довершать разгрома Афин и не ожесточать против себя сердца сторонников полисной свободы, а добиться примирения и почетным для афинян соглашением вбить клин в отношения между ними и бывшими их союзниками, обеспечив за собой положение высшего арбитра. Филипп оказался достаточно дальновиден, чтобы, взвесив все эти соображения, первым протянуть

¹⁵ О расправе с Фивами см. *Diod.*, XVI, 87, 3; *Paus.*, IX, 6, 5; *Justin.*, IX, 4, b—10; ср. *Agg.*, *Anab.* I, 7, 11; о восстановлении Орхомена и Платей — *Paus.*, IV, 27, 10; IX, 1, 8; 37, 8; ср. *Diod.*, XVII, 13, 5; о восстановлении фокидских городов — *Paus.*, X, 3, 3; 33, 8; 36, 3. Ср. *Belosch*, ук. соч., стр. 569, 573; *Roebuck*, ук. соч., стр. 77 слл.; для Фокиды ср. также *G. Busolt* — *H. Swoboda*, *Griechische Staatskunde*, II, München, 1926, стр. 1448 сл.; *F. Schöber* *Phokis*, RE, т. XX (пт. 39), 1941, стб. 490.

¹⁶ *Aelian*, V. h., VI, 1; *Polub.*, XXXVIII, 3 [5], 3; для Амбракии ср. *Diod.*, XVII, 3, 3; для Коринфа — *Plut.*, *Arat.* 23. Ср. *Belosch*, ук. соч., стр. 573; *Roebuck*, ук. соч., стр. 76, сл., 82, 83 сл. Относительно судьбы Эвбейского союза мы придерживаемся взгляда А. Шефера и Ф. Юста (*A. Schaefer*, *Demosthenes und seine Zeit*, III², Lpz., 1887, стр. 38; *F. R. Wüst*, *Phillipp II. von Makedonien und Griechenland in den Jahren von 346—338 v. Chr.*, München, 1938, стр. 174); попытка К. Роубака оспорить этот взгляд не представляется убедительной.

¹⁷ О настроениях в Афинах и мерах по укреплению обороноспособности см. *Lusurg.*, *Contra Leocr.* в особенности § 16 и 36 слл.; *Aeschin.*, III, 252; *Dem.*, XVIII, 195 и 248; о псефизме Гиперида — *Huperid.*, *Contra Aristog.*, fr. 27—29 *Blass*³; *Lusurg.*, *Contra Leocr.* 36; *Ps. - Dem.*, XXVI, 11; *Ps. - Plut.*, *Vitae X or. Huperid.*, 9—10, стр. 848 f — 849 a; о кандидатуре Харидема — *Plut.*, *Phoc.* 16, 4.

руку к примирению. Он воспользовался для этого услугами одного из афинских пленных, оратора Демада, известного прагматизмом, если не сказать цинизмом, своих политических воззрений, охотно взявшегося доставить в Афины мирные предложения Филиппа.

Тем временем в Афинах первоначальная отчаянная решимость уступила место более трезвому размышлению и верх взяли сторонники мирного соглашения во главе с Фокионом, который был назначен теперь вместо Харидема руководить защитой государства. Предложения Филиппа были встречены с пониманием и для выработки окончательного соглашения к царю было отправлено посольство в составе Фокиона, Эсхина и того же Демада. По условиям договора Афины сохраняли в целости основные свои владения, включая и заморские территории (острова Лемнос, Имброс и Скирос, а также Самос); они сохраняли также протекторат над Делосом, но должны были отказаться от Херсонеса Фракийского, который с тех пор стал македонским владением, и признать роспуск своего морского союза. Зато в качестве своего рода компенсации они получали Ороп, — подношение, которое, несомненно, должно было углубить раскол между афинянами и беотийцами.

Афинское народное собрание, не имея в общем никакого выбора, утвердило этот договор, и теперь Филипп мог продемонстрировать свое великодушие: он без выкупа освободил пленных афинян и, более того, в сопровождении почетного эскорта во главе со своим сыном Александром и двумя видными офицерами Антипатром и Алкимахом отправил на родину останки афинских воинов, павших при Херонее. На этот жест царя афиняне должны были ответить любезностью: они почтили македонского царя бронзовой статуей, даровали ему и его сыну права афинского гражданства и наградили проксенией и правами гражданства Антипатра и Алкимаха. Стороны с лихвой, таким образом, продемонстрировали свои дружеские чувства, однако то простое обстоятельство, что эта дружба была навязана одним партнером другому, заставляло усомниться в ее прочности¹⁸.

Устроив, таким образом, дела в Средней Греции, Филипп перешел с войском в Пелопоннес и здесь также позаботился об упрочении своего влияния. Мегары, Коринф и Ахайя, сдавшиеся победителю, были постав-

¹⁸ См. D i o d., XVI, 87; J u s t i n., IX, 4, 4—5; о посредничестве Демада ср. D e m., XVIII, 285; S u i d a s, s. v.; о посольстве афинян — A e s c h i n., III, 227; D e m., XVIII, 282 слл.: T h e o p h r. ap. A t h e n., X, 46, стр. 435 b — c = FGH 115 F 236; S u i d a s, там же; для суждения об отдельных пунктах соглашения: для Лемноса, Имброса и Скироса, а также Самоса, — A r i s t o t., Ath. pol. 61, 6 и 62, 2; D i o d., XVIII, 56, 7; P l u t., Alex. 28, 2; для Делоса — IG, II/III², № 1652; о судьбе Афинского союза — P a u s., I, 25, 3; для Оропа — P a u s. I, 34, 4; Schol. in Dem. XVIII, 99, стр. 259, 10 Dind.; ср. также D i o d., XVIII, 56, 6; о «великодушии» Филиппа — P o l y b., V, 10, 1—5; XXII, 16 [6], 1—2; P s. - P l u t., Vitae X or. Hyperid. 10, стр. 849 a; о благодарности афинян — P a u s., I, 9, 4; P l u t., Dem. 22, 4; Schol. in Ael. Aristid. Panath., стр. 178, 16 Dind. (награды Филиппу и Александру); H y p e r i d., Contra Demad., fr. 77 Blass³ (пожалования Антипатру и Алкимаху). Ср. В е л о с х, ук. соч., стр. 569—573; Р о е в с к, ук. соч., стр. 80—82. Неясной остается связь этого договора с вхождением Афин в Коринфскую лигу. Со времен Шефера утвердилось мнение, что в договоре Филиппа с Афинами уже содержалось обращенное к Афинам предложение присоединиться к будущему общему союзу (S c h a e f e r, ук. соч., III, стр. 29; В е л о с х, ук. соч., стр. 572; W i l c k e n, Philipp II..., стр. 299; Р о е в с к, ук. соч., стр. 81). Однако, как убедительно показал В. Г. Борухович, источники, привлекаемые для решения этого вопроса — P s. - D e m., XVII, 30 и P l u t., Phoc. 16, 4—7, — не дают оснований для такого заключения. Скорее наоборот: предложение Демада, о котором говорится у Плутарха, могло быть сделано после заключения мира между Филиппом и Афинами в ответ на новые предложения македонского царя, а оговорка, о которой упоминается у Псевдо-Демосфена, содержалась — тут уже не может быть двух мнений — именно в тексте общего договора, а не в отдельных соглашениях Филиппа с Афинами (ср. Б о р у х о в и ч, ук. соч., стр. 202—204).

лены под жесткий македонский контроль (в Коринф, как указывалось, был введен македонский гарнизон). С Аргосом, Аркадией, Мессенией и Элидой, которые еще раньше вступили в союз с Филиппом и в последней войне сохраняли дружественный по отношению к Македонии нейтралитет, были укреплены союзнические отношения. Против Спарты, из неприязни к Фивам не участвовавшей в антимакедонском выступлении, но и не торопившейся с поздравлениями победителю, царь вместе с пелопоннесскими союзниками провел карательную экспедицию. В результате от Спарты были отторгнуты все пограничные области, в свое время ею захваченные у соседей. Аргос теперь получил обратно Кинурию, Тегей и Мегалополь — Скиритиду и земли у истоков Эвроты, Мессения — Денталиатиду (на западном склоне Тайгета). Все же, как и в случае с Афинами, царь не пошел на полное уничтожение Спарты и сохранил ее в качестве противовеса и своего рода пугала для прочих пелопоннесских государств — его союзников¹⁹.

Оценивая в целом политику Филиппа после Херонеи, нельзя не признать, что его действия, направленные на создание нового политического порядка, отличались большой продуманностью и гибкостью. Македонский царь, разумеется, делал все возможное для закрепления своей супрематии в Греции, однако он не форсировал события и не пытался, используя свой военный успех, прямо включить греческие государства в состав Македонской державы. Он не мог не сознавать, что если бы это в данный момент и удалось, то надолго сохранить такое господство над Грецией — многолюдной, экономически и социально более развитой, чем Македония, привыкшей жить в условиях полисной независимости, — все равно было бы невозможно. Разумнее было попытаться создать такую систему отношений, которая позволяла бы македонскому царю, сохраняя фактическое господство, одновременно выступать в роли и на правах естественного арбитра. Заняв гарнизонами ключевые пункты страны, подавив сопротивление одних общин, склонив к соглашению другие, изолировав третьи, а большую часть привязав к себе посредством личной унии (Фессалия), через Дельфийскую амфиксию или двусторонними соглашениями, Филипп создал реальные предпосылки для своего выступления в качестве всеобщего высшего устроителя и арбитра. Это положение должно было быть теперь оформлено на всеобщем эллинском конгрессе, созванном по инициативе Филиппа в Коринфе на исходе осени или в начале зимы 338 г.²⁰

¹⁹ См. IG, IV, № 950; P o l y b., IX, 28, 5—7; 33, 8 слл.; XVIII, 14, 6—7; P a u s., III, 24, 6; V, 4, 9; об отторжениях в пользу Аргоса ср. P a u s., II, 20, 1; Тегей — T h e - o r o m p. ap. S t e p h. Vyz., s. v. Καρδα = FGH 115 F 238; Мегалополя — L i v., XXXVIII, 34; Мессения — S t r a b o., VIII, 4, 6, стр. 361; T a c., Ann. IV, 43. Для истории отношений Филиппа со Спартой, кроме названных источников, известное значение имеют отдельные упоминания в приписываемых Плутарху «Законоских изречениях»; все они собраны и систематизированы Шефером (S c h a e f e r, ук. соч., III, стр. 42—48). О политике Филиппа в Пелопоннесе ср. также: B e l o s c h, ук. соч., стр. 573—575; R o e b u s c k, ук. соч., стр. 83 слл. и 91 сл. У последнего специально рассматривается вопрос об участии Коринфской лиги в урегулировании споров между Спартой и пелопоннесскими союзниками Македонии. В Пелопоннесе, как и в других случаях, Филипп позаботился о том, чтобы своим действиям придать хотя бы вид законности. Когда была создана Коринфская лига, он передал на рассмотрение объединенных в эту организацию эллинов вопрос о территориальных претензиях пелопоннесских полисов к Спарте. Коринфская лига в лице специально созданного трибунала или непосредственно синедриона расследовала дело и своим постановлением санкционировала фактически уже состоявшееся решение (об этом достаточно формальном участии Коринфской лиги см. P o l y b., IX, 33, 12).

²⁰ Для датировки подробнее см., W i l c k e n, Beiträge zur Geschichte..., стр. 21 слл.

Обращаясь к истории самого Коринфского конгресса, необходимо прежде всего подчеркнуть, что его работа была сложной и длительной. Есть все основания считать, что конгресс собирался в два приема, что было две его сессии: первая — учредительная, на которой было оформлено новое политическое единство, и вторая, на которой было принято решение о войне с персами. Впервые это различие этапов было принято во внимание Белохом, затем оно было обстоятельно обосновано Вилькеном²¹. Последний обратил внимание на то, что в рассказах двух наших основных свидетелей Диодора и Юстина есть очевидные лакуны. У Диодора в XVI, 89 между сообщением о стремлении Филиппа сделаться вождем всей Эллады (уже после победы при Херонее) и рассказом о созыве и заседании общего совета, на котором было решено начать войну с Персией, выпало упоминание о первой, учредительной сессии конгресса, на которой, в частности, был учрежден и упомянутый общий совет (Вилькен помещает этот пропуск между первым и вторым предложениями второго параграфа). В свою очередь у Юстина в IX, 5 достаточно подробно рассказывается об учредительной сессии, однако между этим рассказом и свидетельством об отправке весной 336 г. авангарда македонской армии в Малую Азию выпало упоминание о второй сессии конгресса, где как раз и было решено воевать с персами (пропуск между седьмым и восьмым параграфами). Не подлежит никакому сомнению, что прототип Юстина Помпей Трог знал о таком решении. Существует удивительное сходство между свидетельством Диодора о посылке Филиппом передовых македонских отрядов в Азию и аналогичными упоминаниями Юстина и другого, независимого от Юстина, эпитоматора Помпея Трога, который составлял так называемые «Прологи»²². Очевидно, Помпей Трог излагал здесь события очень близким к Диодору образом, может быть даже на основании одного общего источника, так что естественно предположить, что до упоминания о посылке в Азию передовых македонских частей он тоже, как и Диодор, рассказывал о заседании Коринфского конгресса, на котором было принято официальное решение о войне с Персией. В нынешнем же виде изложение Юстина страдает неполнотой — оно должно быть дополнено рассказом Диодора и *vice versa*. Восполняя друг друга, эти рассказы вместе дают достаточно полную информацию о работе Коринфского конгресса, о важнейших решениях, принятых последовательно на двух его основных сессиях²³.

На первую — учредительную сессию, рассказ о которой содержится у Юстина, съехались по приглашению македонского царя посланцы всех греческих государств. Лишь Спарта, до конца не усмирённая, игнорировала адресованное ко всем эллинам приглашение Филиппа²⁴. Съехавшиеся, как правильно подчеркнуто у Вилькена, были именно посланцами (у Юстина — *legati*, IX, 5, 1), не членами общего синедриона, который еще только предстояло создать²⁵. Официальная программа конгресса была, очевидно, изложена Филиппом заранее в специальном эдикте (*διάγραμμα*), который был разослан отдельным общинам, а затем оглашен царем при открытии общего собрания. Предположение об издании Филиппом такого

²¹ B e l o c h, Griechische Geschichte, I. Aufl., Bd. II, Strassburg, 1897, стр. 572—574, 606; W i l c k e n, Beiträge zur Geschichte..., стр. 4 слл.

²² Ср. D i o d., XVI, 91, 2; J u s t i n., IX, 5, 8; Prol. libri. IX.

²³ Версия Белоха — Вилькена о двух сессиях Коринфского конгресса прочно вошла в новейшую историографию (ср. V e n g t s o n, ук. соч., стр. 316 сл.). Попытка Боруховича опровергнуть это предположение (см. Б о р у х о в и ч, ук. соч., стр. 204) не может быть признана удачной.

²⁴ Для оценки позиции Спарты, помимо свидетельств Юстина (не только в IX, 5, 3, но и в XII, 1, 7), ср. еще S t r a b o., VIII, 5, 5, p. 365; P l u t., Inst. Lac. 42, стр. 240 a — b; ср. также A r r., Anab. I, 1, 2; 16, 7.

²⁵ W i l c k e n. Beiträge zur Geschichte..., стр. 25—26.

эдикта было высказано все тем же Вилькеном, который для суждения об акциях Филиппа в 338 г. привлек свидетельство Диодора о действиях Полиперхонта в 319/8 г. (Diod., XVIII, 55 сл.). Согласно Диодору, чей рассказ основывается на показаниях хорошо осведомленного Гиеронима из Кардии, Полиперхонт, намереваясь произвести переустройство политических дел в Греции и восстановить мир и порядок, существовавшие при Филиппе и Александре, начал именно с издания общего эдикта (τὸ διάγραμμα). При этом в прокламации Полиперхонта содержалась прямая ссылка на предшествующие эдикты Филиппа и Александра (κατὰ τὰ διαγράμματα τὰ πρότερον ὑπ' ἐκείνων γραφέντα). Подтверждение своему тезису об издании Филиппом общего эдикта Вилькен находит в рассказе Юстина, согласно которому македонский царь в Коринфе пожаловал грекам мир²⁶. Хотя Юстин и упрощает дело (процедура принятия решения о мире была в действительности сложнее), в его рассказе, несомненно, отразились сведения о царском эдикте, которыми располагал Помпей Трог²⁷.

Все сказанное имеет большое значение для сравнительной оценки роли Филиппа и греков в истории Коринфского конгресса. Мы видим, что инициатива здесь полностью принадлежала македонскому царю, который не только созвал конгресс, но и заранее авторитетно определил его программу и решения. Тем не менее нельзя недооценивать того факта, что свою волю царь хотел облечь именно в форму общегреческих решений. В этом заключалось признание за греками известного политического значения, известной мощи, которая заставляла считаться с ними и обращаться, по крайней мере в известных случаях, не как с подданными, а как с партнерами. Созывом Коринфского конгресса Филипп признавал важность того, чтобы политическое урегулирование, казалось бы, уже продиктованное им Элладе, в конечном счете выступило в качестве совместного акта македонского царя и всех эллинов; лишь это, очевидно, могло сообщить новому порядку надлежащую силу и устойчивость.

Первым важным решением Коринфского конгресса было провозглашение общего мира. У Юстина, как мы уже видели, это решение изображается просто как предписание Филиппа: pacis legem universae Graeciae (...) statuit. Однако это упрощение. Инициативная роль царя нашла выражение в предварившем общегреческом собрании эдикте, окончательные же решения, явившиеся результатом и содержанием общего договора, были приняты самим этим собранием. Поэтому в греческих источниках решения, принятые в Коринфе, официально обозначаются не как повеления царя Филиппа, а с одной стороны, как постановления эллинов, и с другой — как соглашения эллинов с Филиппом²⁸.

Что же касается решения о мире, то, согласно тексту официальных документов и судя по восприятию современников, оно составляло главное содержание заключенного в Коринфе договора. Так, в надписи, содержа-

²⁶ См. Justin., IX, 5, 2 — ibi pacis legem universae Graeciae (...) statuit [и далее, § 3, где излагается мнение лакедемонян, — servitutum, non pacem rati, quae non ipsis civitatibus conveniret, sed a victore ferretur.

²⁷ Wilcken, Beiträge zur Geschichte..., стр. 29 сл.; он же, Philipp II..., стр. 299 сл.

²⁸ Для обозначений первого рода ср. хиосскую надпись с рескриптом царя Александра: Syl¹, № 283, стк. 13 — τὸ δόγμα τὸ τῶν Ἑλλήνων; ср. также A. G. I., Anab. I, 16, 6 — τὰ κοινῇ δόξαντα τοῖς Ἑλλήσιν; III, 23, 8 — τὰ δόγματα τὰ τῶν Ἑλλήνων; обозначения второго рода зафиксированы в современной Коринфскому конгрессу афинской надписи: IG, II/III², № 236, сткк. 4/5 — [καὶ οὐ λύσω τὰς συνθήκας τὰς πρὸς Φίλιππον Μακεδόνα] и ниже, сткк. 15/16 и 18; ср. также речь Псевдо-Демосфена «О договоре с Александром», где непрерывно используется то же выражение αἱ συνθήκαι, resp. αἱ κοιναὶ συνθήκαι, или такие, например, его синонимы как αἱ ὁμολογίαι, resp. αἱ κοιναὶ ὁμολογίαι.

щей афинский вариант общего договора, предмет соглашения определяется кратко — ἡ εἰρήνη, возможно также ἡ κοινὴ εἰρήνη²⁹. Равным образом и у Псевдо-Демосфена предмет общего соглашения обозначается как ἡ κοινὴ εἰρήνη или просто ἡ εἰρήνη³⁰.

Об отдельных статьях соглашения о мире можно судить отчасти на основании надписи с афинским вариантом общего договора, отчасти же — по речи Псевдо-Демосфена, который специально трактует о нарушении Александром договора о мире. В самом начале этого договора в торжественной форме провозглашались свобода и автономия для всех эллинов³¹. Это видимое сохранение полисного партикуляризма отнюдь не означало признания за греками того права на свободную гражданскую и политическую борьбу, которое доселе считалось их неотъемлемой собственностью. Обладание свободой и автономией было сопряжено для участников договора с принадлежностью к новой политической системе, существенными признаками которой должны были стать прочный мир и твердый порядок.

Действительно, основное содержание договора сводилось к установлению прочного мира, гражданского и политического, как в каждом отдельном полисе, так и в Элладе в целом. Забота о поддержании гражданского мира нашла выражение прежде всего в признании незыблемости тех государственных порядков, которые существовали у участников договора к моменту его заключения³². При этом бросается в глаза — по крайней мере в изложении Псевдо-Демосфена — выразительное запрещение таких, характерных для богатого смутами IV в., действий, как казни, изгнания, конфискации имущества, передел земли, сложение долгов, освобождение на волю рабов, в тех случаях, когда эти действия будут противоречить существующей конституции и служить целям переворота³³.

Что все эти запреты, ставившие предел социально-политическим смутам, должны были в конечном счете содействовать благополучию имущих классов, в этом сомневаться не приходится; с этой точки зрения социальный, классовый характер установлений о гражданском мире бесспорен³⁴. Однако из этого вовсе не следует, что в самый момент заключения договора эти установления имели в виду прежде всего социальные интересы состоятельных слоев греческого общества³⁵. Не следует забывать о том, что Ко-

²⁹ См. сткк. 9/10: τῶν τ[ῆς εἰρήνης κοινωνοῦν]των, 13/14 — τ[ὸς ὄρκους τοὺς περὶ τῆς εἰρήνης, 19/20: τῶν τ[ὴν κοινὴν εἰρήνην παρ]αβλίνοντι.

³⁰ См., в частности, § 2: τῶν συνθηκῶν καὶ τῶν ὄρκων (...) τῶν περὶ τῆς κοινῆς εἰρήνης, § 4: τοὺς ὄρκους (...) καὶ τὰς συνθήκας τὰς ἐν τῇ κοινῇ εἰρήνῃ γεγραμμένας, § 10: τοὺς ὄρκους τοὺς περὶ τῆς εἰρήνης.

³¹ См., у Псевдо-Демосфена, § 8: ἐπιτατὰ καὶ ἐπιτάττει ἡ συνθήκη εὐθὺς ἐν ἀρχῇ ἐλευθέρους εἶναι καὶ αὐτονομους τοὺς Ἕλληνας.

³² См. соответствующую часть официальной присяги: IG, II/III², № 236, сткк. 11—14: [οὐδὲ τ]ὴν βασιλείαν [τ]ὴν Φ[ιλίππου καὶ τῶν ἐκόν]ων καταλύσω ὁδὲ (sic!) τῶν πολιτειῶν τὰς οὐσᾶς] παρ' ἑκάστου, ὅτε τ[ὸς ὄρκους τοὺς περὶ τῆς εἰρήνης ὠμνουν. Ср. о том же у Псевдо-Демосфена, § 10 слл.

³³ См. у Псевдо-Демосфена, § 15: ὅπως ἐν ταῖς κοινωνοῦσαις πόλεσι τῆς εἰρήνης μὴ γίνωνται θάνατοι καὶ φυγαὶ παρὰ τοὺς κεμένους ταῖς πόλεσι νόμους, μηδὲ χρημάτων δημῶσεαι, μηδὲ γῆς ἀναδασμοί, μηδὲ χρεῶν ἀποκοπαί, μηδὲ δούλων ἀπελευθερώσεαι ἐπὶ νεωτερισμῶ.

³⁴ Это было отмечено уже Ю. Керстом (см. Kaerst, ук. соч., I, стр. 208; ср. I³, стр. 276).

³⁵ Так именно трактуется этот вопрос в статье Боруховича. Указав в начале своей работы на то, что Греция была охвачена кризисом и что олигархически настроенные знатные и богатые граждане видели выход в подчинении Македонии и потому поддерживали Филиппа, автор усматривает в решениях Коринфского конгресса стремление Филиппа, в свою очередь, после решающей победы «вознаградить своих сторонников» в Греции (ук. соч., стр. 204). Соответственно определяется конкретный смысл решений Коринфского конгресса: они «щательно оговаривали интересы крупных рабовладельцев Греции» (ук. соч., стр. 202). Исходя из этого, автор видит в решениях Коринфского конгресса результат широкого социального-политического соглашения: «(...) олигар-

ринфский конгресс был заключительным эпизодом вполне определенной политической борьбы, не социальной революции или контрреволюции, и положение, которое он должен был оформить, было именно положением политическим, с уже установившимися отношениями господства и подчинения. С точки зрения главного устроителя Коринфского конгресса — македонского царя Филиппа — было важно прежде всего закрепить достигнутое политическое положение, подтвердить незыблемость македонской супрематии, нерушимость установленных или санкционированных македонским царем порядков. Именно этим, по нашему мнению, объясняется и внимание Коринфского конгресса, alias — Филиппа II, к вопросу о гражданском мире. Македонским царем двигала здесь не столько забота об интересах собственнических слоев населения (расчет приобрести таким образом симпатии имущей элиты мог играть лишь побочную роль), сколько естественное стремление утвердить собственную власть и власть дружественных ему режимов в Греции. Отсюда характерная формула официальной присяги, имеющая в виду именно государственные интересы македонских царей и их греческих сателлитов: οὐδὲ τὴν βασιλείαν τὴν Φιλίππου καὶ τῶν ἐχόντων καταλύσω οὐδὲ τὰς πολιτείας τὰς οὐσας παρ' ἑκάστοις, ὅτε τοὺς ὄρκους τοὺς περὶ τῆς εἰρήνης ὤμωον. Отсюда и все те конкретные запреты, о которых говорится у Псевдо-Демосфена: они имели в виду прежде всего предотвращение политических переворотов, а затем, конечно, и социальных преобразований, какие могли быть инспирированы антимакедонскими группировками. С этим же были связаны и настоятельные, возможно даже не раз повторявшиеся в решениях конгресса требования не допускать возвращения изгнанников, т. е. тех, несомненно, политических деятелей и групп, которые и до этого были противниками Македонии, а впредь могли стать инициаторами ниспровержения только что установленных порядков (о запрещениях, касающихся изгнанников, см. речь Псевдо-Демосфена, где этот вопрос затронут дважды, § 3—9, 16—18).

Возвращаясь к содержанию договора о мире в целом, отметим, что его статьями предусматривалось установление в Элладе не только гражданского мира, но и мира политического. Впредь между участниками общего договора запрещались всякие войны, а в случае нарушения этого запрета все участники договора должны были прийти на помощь государству, подвергнувшемуся нападению, и совместными усилиями покарать нарушителя³⁶.

Конечно, одного провозглашения мира и порядка еще было мало для того, чтобы они действительно утвердились в жизни. Необходимо было подвести какое-то реальное основание под это новое здание, и таким основанием стало следующее важное решение конгресса — о заключении во-

хические слои греческих полисов видели в предприятии Филиппа (в планировавшейся им войне с Персией. — Э. Ф.) способ возможного разрешения противоречий между полисами и гарантию от всех социальных потрясений <...>. Они готовы были предоставить Филиппу командование в этой войне и контингенты войск, предварительно потребовав для себя определенные гарантии. Эти гарантии были им даны в договоре «о всеобщем мире», заключенном на Коринфском конгрессе» (ук. соч., стр. 205—206). В конце на основании статей социально-политического характера, содержавшихся в Коринфском договоре 338/7 г., в договоре Антигона и Деметрия с греками (302 г.) и, возможно, в других договорах царей с греческими полисами, автор заключает о сущности ранней эллинистической монархии, «представлявшей собой, по крайней мере в момент возникновения, союз крупных рабовладельцев с военной монархией» (стр. 207).

³⁶ См. текст официальной присяги, в частности сткк. 5 слл.: οὐδὲ ἐὼς ὄπλα ἐποί[σω ἐπὶ πημονῆι ἐπ' οὐθὲνα τῶν] ἐμμενόντων ἐν τ[ί]οις ὄρκοις οὐτὲ κατὰ γῆν] οὐτὲ κατὰ θάλασ[sαν] κτλ. и 17 слл. — ἀν δὲ τις ποτὶ τ[ι] παράσπονδον πε[ρὶ] τὰς συνθήκας, βοηθήσω] καθότι ἂν παραγ[γέλωσιν οἱ ἀδικούμενοι] κτλ.

енного оборонительного и наступательного союза между эллинами и македонским царем Филиппом. Для суждения о новом союзе решающее значение имеет свидетельство Юстина, который не только рассказывает об организации вооруженных сил, но попутно отмечает и характер этого нового союза: *auxilia deinde singularum civitatum describuntur, sive adiuvandus ea manu rex oppugnante aliquo foret seu duce illo bellum inferendum* (Justin., IX, 5, 4). Юстин, правда, не называет самого слова «союз», но что такое слово было произнесено на Коринфском конгрессе, и наряду с решением о мире было принято и решение о союзе, доказывается рядом упоминаний у Диодора и Арриана³⁷. На основании всех этих материалов, а главным образом ввиду напрашивающейся параллели с эпидаврской надписью SEG, I, № 75, содержащей текст договора о союзе (συνμαχία) между царями Антигоном и Деметрием и греками (302 г.), Вилькен имел полное право предложить следующее восстановление начальных строк надписи IG, II/III², № 236: Ἐπιμενῶ [τῆρ σὺνμαχίαι καὶ οὐ λόσσω τὰς σὺν-θῆκας τὰς πρὸς Φίλιππον Μακεδόνα]³⁸.

Союз между греками и Филиппом II формально был заключен на подчеркнуто равноправных началах, что, между прочим, нашло выражение и в официальном обозначении нового содружества именами двух его главных партнеров — македонского царя и эллинов (ср. позднейшее Ἀλεξάνδρος καὶ οἱ Ἕλληνας — OGIS, № 8, стк. 6; Arr., Anab. I, 16, 7; II, 2, 2). Суверенные права эллинских союзников были выразительно подчеркнуты не только общей прокламацией о свободе и автономии всех эллинов — участников общего договора (ср. уже цитировавшееся выше место из речи Псевдо-Демосфена, § 8), но и специальной оговоркой, содержащейся по крайней мере в некоторых, частных вариантах договора, о том, что за эллинами сохраняется право самим решать вопрос о своем участии в этом соглашении (ср. Ps.-Dem., XVII, 30)³⁹. Всем эллинским государствам — участникам договора гарантировалась неприкосновенность их границ (ср. там же,

³⁷ Ср. D i o d., XVII, 63, 4; Arr., Anab. II, 1, 4, но особенно III, 24, 5, где при упоминании о действиях Александра в отношении греков, состоящих на службе у персов, названы одновременно оба важнейших пункта общего договора — решение о мире и решение о союзе: ἀρχὴ δὲ καὶ τῶν ἄλλων Ἑλλήνων ὅσοι πρὸ τῆς εἰρήνης τε καὶ τῆς συνμαχίας τῆς πρὸς Μακεδόνας γενομένης παρὰ Πέρσας ἐμισθαφόρου.

³⁸ W i l s k e n, Philipp II..., стр. 302 слл. Об эпидаврской надписи подробнее см. другие статьи Вилькена: «Über eine Inschrift aus dem Asklepieion von Epidaurus», «Sitzungsber. d. Akad. Wiss. zu Berlin», XVIII, 1922, стр. 122—147 и «Zu der epidaurischen Bundesstele vom J. 302 v. Chr.», там же, XXVI, 1927, стр. 277—301. Вопрос о государственно-правовой основе Коринфской лиги принадлежит, безусловно, к наиболее сложным. Неудивительно, что конструкция Вилькена — представление о симмахии как организационной основе Коринфского договора и соответствующая интерпретация, и восстановление надписи IG, II/III², № 236 — вызвала оживленную дискуссию. В. Шван первым выступил против теории Вилькена. Согласно Швану, следует различать договор об общем мире, который и определил политическую структуру новой Греции, и договор о союзе; афинская надпись IG, II/III², № 236 относится именно к договору о мире. Вслед за Шваном Ф. Шель также высказался за отделение договора о мире от договора о союзе, однако в истолковании афинской надписи Шель вернулся к точке зрения Вилькена: надпись относится к договору о союзе, хотя и включает или повторяет отдельные положения договора о мире. А. Момильяно, в свою очередь, принимая тезис Швана и Шеля о раздельности договоров, надпись IG, II/III², № 236 отнес к договору о мире. Против тезиса о двух различных договорах выступил, однако, Ф. Хампль, согласно которому был лишь один договор — об общем мире (ссылки на работы Швана, Шеля, Момильяно и Хампля см. выше). Эти колебания в «уточнениях» точки зрения Вилькена по своему показателю. Остроумные в частности, эти построения неубедительны в основном. Конструкция Вилькена и с общеисторической точки зрения, и ввиду очевидной параллели с эпидаврской надписью продолжает оставаться наиболее убедительной.

³⁹ Что эта оговорка содержалась именно в афинском варианте общего договора, а не в сепаратном соглашении, заключенном между афинянами и Филиппом сразу после Херонейского сражения, — это бесспорно (ср. выше, стр. 50, прим. 18).

26 слл.). Специально была оговорена свобода эллинов от уплаты какой-либо подати и от принятия чужих гарнизонов — последнее невзирая на фактическое присутствие македонских гарнизонов в целом ряде греческих городов⁴⁰. Участники договора были обязаны только поставлять в союзное войско свои отряды воинов и кораблей. Размеры этих контингентов были тогда же точно определены в соответствии с возможностями отдельных общин. При этом, по свидетельству Юстина, оказалось, что число воинов от одних только эллинских союзников, без учета собственно македонских войск и отрядов от соседних подчиненных македонскому царю варваров, составило 200 тыс. пехотинцев и 15 тыс. всадников, что, конечно, отражает не реальные силы нового союза, а его потенциальные возможности (для суждения о военном матрикеле союза, помимо свидетельства Юстина в IX, 5, 4—7, см. еще Plut., Phoc. 16, 6, откуда следует, что союзники должны были поставлять не только воинов, но и корабли)⁴¹.

Все эти положения не должны затемнять истинной природы и характера нового объединения. Военный союз между греками и Филиппом II был формой, в которой нашло выражение совершившееся еще до Коринфского конгресса объединение Греции под властью македонского царя. И на будущее этот союз должен был служить целям сохранения сложившейся системы отношений. Эта его природа и назначение обусловили и своеобразие его организации, состав и полномочия его руководящих органов. Обращение к этой собственно организационной стороне позволяет составить более точное представление о сущности нового объединения.

Внешне организация нового союза являла черты дуализма, отражая, таким образом, формальное равноправие вступивших в соглашение сторон: греки были представлены своим общим советом — синедрионом, а Македония — своим царем, который был провозглашен гегемоном союза.

Синедрион состоял из представителей греческих государств — участников общего договора, причем норма представительства была, очевидно, определена в соответствии с политическим весом и количеством населения, а практически — с размерами контингентов, которые та или иная община (или группа общин) поставляла в общесоюзное войско⁴².

Синедрион был учрежден в качестве высшего политического органа объединенных в союз эллинов. Ему вменялось в обязанность следить за сохранностью политического порядка, установленного решениями конгресса, а также предоставлялось право выносить принципиальные решения и вершить суд по всем спорным делам⁴³.

⁴⁰ О свободе от уплаты подати см. Schol. in Dem., XVIII, 89, стр. 255, 12 Dind.: о свободе от принятия гарнизонов заключают на основании аналогичных статей в провозглашенных в аналогичных же ситуациях декретах Филиппа V (220 г.) и Фламиния (196 г.) — P o l y b., IV, 25, 7 и XVIII, 46, 5. Ср. W i l c k e n, Beiträge zur Geschichte..., стр. 7; о н же, Philipp II..., стр. 306.

⁴¹ Ср. П ё л ь м а н, ук. соч., стр. 288 сл.; W i l c k e n, Beiträge zur Geschichte..., стр. 16; Н. В е р в е, Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage, I, München, 1926, стр. 230. Отношение Швана к данным Юстина (см. S c h w a h n, ук. соч., стр. 26 слл., 63) отличается чрезмерным критицизмом.

⁴² Об учреждении в Коринфе общего синедриона см. прежде всего свидетельство Юстина, где, однако, самый этот акт прямолинейно отнесен к числу распоряжений македонского царя: J u s t i n., IX, 5, 2; consiliumque omnium veluti unum senatum ex omnibus legit; о синедрионе упоминается в тексте официальной присяги, если только верно восстановление Вилькена: IG, II/III², № 236, сткк. 20/21: καθεύτι [[αν βοηή τῶν κοινῶν συναδ]ρίων, фрагмент *b* этой же надписи дает важный материал для суждения о пропорциональном характере представительства. О критерии и норме представительства в синедрионе ср.: J. A. O. L a r s e n, Representative Government in the Panhellenic Leagues, ClPh, XX (1925), № 4, стр. 319; В е р в е, ук. соч., I, стр. 230; W i l c k e n, Philipp II..., стр. 300; S c h w a h n, ук. соч., стр. 4 сл.

⁴³ Для суждения о синедрионе как высшей политической и судебной инстанции эллинов см. прежде всего только что цитировавшееся место из афинской надписи;

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы как будто бы говорят о том, что синедриону эллинов была уготована важная роль в новом союзе⁴⁴. Однако это скорее внешнее впечатление; при ближайшем рассмотрении оказывается, что значение этого органа было не столь уж велико и что его никак нельзя признать суверенным представителем эллинства. Дело в том, что все действия синедриона определялись и направлялись стоявшим вне политической организации греков македонским царем. Последний был не только партнером греков по союзу, но и их главой: на Коринфском конгрессе он официально был провозглашен гегемоном союза, главнокомандующим всех его вооруженных сил на суше и на море⁴⁵.

Гегемон отнюдь не был только военным главой союза; фактически он осуществлял также и политическое руководство. Именно он определял своим эдиктом принципиальное содержание решений, которые предстояло принять синедриону (ср. ниже), и ему же, а не самим эллинам принадлежала инициатива созыва этого совета. По крайней мере в двух известных нам случаях, когда синедрион собирался на свои сессии (в 337 и 336 гг.), инициатива каждый раз исходила от македонского царя (см. Diod., XVI, 89, 2 сл. и XVII, 4, 9). С другой стороны, в решениях Коринфского конгресса было записано, что свои важнейшие функции — надзор за сохранением существующего порядка и применение необходимым санкций к нарушителям договора — синедрион должен осуществлять совместно с гегемоном союза, т. е. македонским царем. Об этом можно прочесть у Псевдо-Демосфена, § 15: ἔστι γάρ ἐν ταῖς συνθήκαις ἐπιμελεῖσθαι τοὺς συνεδρεύοντας καὶ τοὺς ἐπὶ τῇ κοινῇ φυλακῇ τεταγμένους ὅπως κτλ. (здесь выражение τοὺς ἐπὶ τῇ κοινῇ φυλακῇ τεταγμένους явно относится к македонскому царю или к его представителям)⁴⁶. О том же свидетельствует и текст официальной присяги: IG, II/III², № 236, сткк. 19—22 (с восстановлениями Вилькена): καὶ πολεμήσω τῷ|ι τὴν κοινὴν εἰρήνην παρ|αβαίνοντι καθότι | [ἀν δοκῆι τῷ κοινῷ συνεδ|ρίῳι καὶ ὁ ἡγεμῶν|ν παραγγέλληι]. Правда, как раз эта фраза может дать повод к заключению о высокой политической роли синедриона, о том, что именно он принимал принципиальные решения, между тем как гегемон лишь руководил их практическим осуществлением⁴⁷. Однако такое заключение будет основываться лишь на формальном анализе фразы, а не на существе дела. По существу же важно то, что только один

там синедрион принимает решение о войне с нарушителем общего договора; об обязанности синедриона наблюдать за сохранением гражданского мира выразительно говорится у Псевдо-Демосфена, § 15; ср. далее D i o d., XVI, 89, 3 и XVII, 4, 9, где синедрион собирается для решения вопроса о войне с персами и назначении македонского царя стратегом-автократором; ср. также S y l l.³, № 283, сткк. 13—15 и A e s c h i n., III, 161, где синедрион упоминается в качестве высшей судебной инстанции.

|⁴⁴ Отсюда та высокая оценка, которую некоторые исследователи склонны были давать возможностям развития федеративного начала в учрежденной Филиппом симмахии. См. K a e r s t, ук. соч., I³, стр. 282 слл.; ср. W i l c k e n, Philipp II..., стр. 309.

⁴⁵ В рассказе Юстина о первой сессии Коринфского конгресса содержится лишь косвенное указание на избрание Филиппа гегемоном союза — J u s t i n., IX, 5,4 : sive adiuvandus ea manu rex oppugnante aliquo foret seu d u c e i l l o bellum inferendum. Однако нет недостатка и в прямых указаниях: D e m., XVIII, 201: ἡγεμῶν δὲ καὶ κύριος ἤρεθῆ Φιλίππος πάντων. P o l y b., IX, 33, 7: καὶ κατὰ τῆν αὐτὸν ἡγεμόνα καὶ κατὰ θάλατταν εἶλοντο πάντες. Ср. упоминание о гегемоне в тексте официальной присяги — IG, II/III², № 236, сткк. 21/22.

⁴⁶ Ср. K a e r s t, ук. соч., I³, стр. 280, прим. 1; S c h w a h n, ук. соч., стр. 46 сл., 49 сл. (под τοὺς ἐπὶ τ. κ. φ. τεταγμένους подразумевается попросту македонский царь); W i l c k e n, Über eine Inschrift..., стр. 139—140; M o m i g l i a n o, ук. соч., стр. 508 (имеются в виду представители македонского царя). Берве несколько прямолинейно видит в τοὺς ἐπὶ τ. κ. φ. τεταγμένους командиров македонских гарнизонов в греческих городах (B e r v e, ук. соч., I, стр. 230).

⁴⁷ Так именно у Вилькена — W i l c k e n, Philipp II..., стр. 307 слл.

тегемон — а это был стоявший наряду с синедрионом эллинов македонский царь — обладал реальной силой для проведения в жизнь любых решений. Это лишало представительный орган греков реального политического значения и низводило его до уровня младшего партнера с совещательным голосом⁴⁸.

Таким образом, было бы неверно усматривать в раздельном существовании синедриона эллинов и гегемона какой-то реальный политический дуализм или разделение властей в новом союзе и на этом основании заключать о равноправном сотрудничестве двух заключивших его сторон. Разделение властей было здесь видимым, а сотрудничество — фиктивным. Напротив, то обстоятельство, что один из партнеров в новом союзе — именно македонский царь — был одновременно и гегемоном и только он один обладал реальной политической силой, делает это объединение безусловно похожим на прежние симмахии гегемонистского типа. От Пеллопоннесского или от Афинских союзов новое объединение отличалось не характером, а количеством вошедших в него общин (почти все, за вычетом, кажется, одной Спарты) и более разработанными организационными формами.

Рассмотрением устройства нового союза мы исчерпали круг вопросов, относящихся к первой, учредительной сессии Коринфского конгресса. Следующая сессия, рассказ о которой содержится у Диодора (XVI, 89, 2 сл.), открылась спустя некоторое время, уже после того как первые принципиальные решения конгресса были одобрены и ратифицированы участниками договора. По подсчетам Вилькена, новая сессия открылась приблизительно в начале лета 337 г.⁴⁹; она должна была обсудить вопрос о войне с Персией.

Как убедительно показали Кэрст и Вилькен, война с Персией естественно диктовалась македонскими державными интересами. Захват фракийских земель и выход македонцев на побережье Боспора, Пропонтиды и Геллеспонта привели их в непосредственное соприкосновение с персами, которые должны были с тревогой следить за распространением македонской власти в сторону Азии. Вмешательство персидских сатрапов в войну Филиппа с пропонтидскими греками и помощь, которую они оказали в 340 г. осажденному Перинфу⁵⁰, показали, до какой степени Персия не склонна была ограничиваться ролью стороннего наблюдателя. С другой стороны, создание Филиппом новой эллинской лиги под собственным руководством означало полную ликвидацию существовавшей еще со времени Анталкидова мира политической системы, при которой за персидским царем все время сохранялось значение высшего арбитра и авторитета в Греции. Все это — и обоснование Македонской державы в новых границах, и утверждение македонского царя в качестве нового гегемона Эллады — неизбежно вело к

⁴⁸ Это подчеркнуто у Пёльмана: «Впрочем, центр тяжести новой силы составляло не это учреждение (союзный совет. — Э. Ф.), а скорее царь Македонии, с которым Эллада заключала вечный наступательный и оборонительный союз» (Пёльман, ук. соч., стр. 288). Ср. также суммирующую оценку Швана: «Отношения между союзным советом и протектором, кажется, были урегулированы таким образом, что постановляющая власть причиталась первому, а исполнительная — второму. По договору деятельность протектора подлежала, таким образом, надзору и контролю синедриона, который выступает как высшая инстанция. Фактически же отношения обстояли существенно иначе, поскольку Филипп как царь Македонии располагал собственной мощной военной силой и при случае мог навязывать свою волю синедриону» (Schwahn, ук. соч., стр. 49—50).

⁴⁹ Wilcken, Beiträge zur Geschichte..., стр. 21—25; он же, Philipp II..., стр. 299, 310.

⁵⁰ P s. - D e m., XI, 5; D i o d., XVI, 75, 1 сл.; P a u s., I, 29, 10; A g r., Anab. II, 14, 5.

войне с Персией. Лишь победоносная война с этой могучей державой могла дать македонскому царю гарантию надежности всех достигнутых успехов⁵¹.

Впрочем, помимо ближайших политических интересов, к войне с Персией могли толкать македонского царя и более общие соображения. Филипп не мог не понимать, что прочное утверждение македонской гегемонии над привычными к независимости эллинами будет невозможно без соответствующего оправдания, ну, скажем, необходимостью выполнения большой общей задачи. Война, большая общая война могла не только дать такое оправдание, но и сообщить новой политической системе мощный импульс, благодаря которому она обрела бы дополнительную прочность и устойчивость. В IV в. в Греции весьма популярной была идея общей борьбы с варварами, идея совместного завоевательного похода (ср. соответствующие выступления Горгия, Лисия, Исократ, Ксенофонта), и Филипп не преминул взять эту идею на вооружение. До него ее нещадно эксплуатировали уже Дионисий Сиракузский и Ясон Ферский; Филипп не мог не быть знаком с их опытом. Впрочем, ко времени Коринфского конгресса он сам уже приобрел большой навык в использовании популярных идей для прикрытия своих государственных целей. Так, вмешательство в фессалийские дела он осуществлял под благовидным предлогом защиты свободных эллинов от тирании, а вторжения в Среднюю Грецию проводил, выступая от лица амфикионов, в качестве мстителя за поруганную святыню Аполлона. Теперь в Коринфе он взял на себя новую роль вождя эллинов в борьбе с их заклятым врагом — Персией. Выступить с идеей возобновления такой борьбы было тем естественнее, что само место нового панэллинского конгресса — Коринф — подсказывало сопоставление с временем великого единения эллинов в борьбе с полчищами Ксеркса. Отсюда же, а также, конечно, из практического опыта с Дельфийской амфикионией, заимствована была Филиппом и оригинальная мотивировка новой войны — необходимость отмщения варварам за надругательства над святынями эллинов⁵².

Судя по рассказу Диодора, Филипп стал распускать слухи о готовящейся им новой войне с персами еще накануне первой сессии Коринфского конгресса. Именно тогда, стараясь заручиться симпатиями греков, он выдвинул идею этой новой войны и дал ей надлежащее обоснование⁵³. На самой первой сессии вопрос о войне с Персией еще не обсуждался. Начинать открытую борьбу с персами до окончательного устройства собственно греческих дел Филиппу, очевидно, не казалось целесообразным. Однако, как это выразительно подчеркнуто у Юстина, ни для кого не было тайной, что учреждавшиеся тогда общесоюзные вооруженные силы предназначались именно для борьбы с Персией⁵⁴. Теперь, на второй сессии конгресса, этот вопрос был уже поставлен совершенно официально.

И на этот раз инициатива целиком принадлежала македонскому царю. Заранее соответствующим эдиктом он известил греческие общины о своем

⁵¹ Ср. K a e r s t, ук. соч., I³, стр. 269 слл.; W i l c k e n, Philipp II..., стр. 295 слл.

⁵² То, что мотив отмщения за поруганные святыни был пущен в оборот самим Филиппом и что при этом при выдвижении и обосновании идеи новой войны с персами, как и при учреждении самого нового союза, Филипп мог сознательно играть на параллелях с временем Греко-персидских войн, — это предположения У. Вилькена (W i l c k e n, Philipp II..., стр. 314—316). То, что в использовании Филиппом идеи священной войны, идеи войны ради мщения за поруганные святыни, известную роль мог сыграть опыт тех войн, которые он вел под флагом защиты святыни Аполлона в Дельфах, — на это указал еще раньше Керст (ук. соч., I³, стр. 272).

⁵³ См. D i o d., XVI, 89, 2: διαδοῦς δὲ λόγον ὅτι βούλεται πρὸς Πέρσας ὑπὲρ τῶν Ἑλλήνων πόλεμον ἀρασθαι καὶ λαβεῖν παρ' αὐτῶν δίκας ὑπὲρ τῆς εἰς τὰ ἱερά γενομένης παρανομίας ἰδίου τοῦτο Ἑλλήνας ταῖς εὐνοίαις ἐποίησατο. Ср. P o l y b., III, 6, 12 сл.

⁵⁴ J u s t i n., IX, 5, 5: neque enim dubium erat imperium Persarum his apparatus peti.

намерении обсудить с ними вопрос чрезвычайной важности⁵⁵. Когда по переданному приглашению в Коринф собрались делегаты — теперь это были уже члены синедриона, — они услышали заявление царя о необходимости начать борьбу с персами⁵⁶. Заявление это было встречено с одобрением, и, таким образом, вопрос о войне был решен⁵⁷. Затем специальным постановлением конгресс передал македонскому царю для ведения войны чрезвычайные полномочия, избрав его стратегом-автократом⁵⁸.

Тогда же, если только это не было сделано еще на первой сессии конгресса, было принято решение, запрещавшее эллинам служить в качестве наемников у варваров (ср. *Агг.*, *Anab.* I, 16, 6; 29, 6; III, 23, 8; 24, 5)⁵⁹. Весной 336 г. первые отряды македонских войск переправились в Малую Азию и, таким образом, начался новый этап политической истории, который, однако, лежит уже за пределами нашей темы.

Подведем итоги нашему изложению. В глаза бросается ряд обстоятельств, которые, по-видимому, и должны определить наше общее суждение о Коринфском конгрессе.

Во-первых, очевиден весьма своеобразный характер ситуации, которая сложилась накануне конгресса. Существенными признаками обстановки были военный разгром Филиппом коалиции свободных эллинов и определение им своих отношений с эллинскими общинами таким образом, что это давало ему возможность и впредь выступать в роли высшего арбитра и авторитета. Иными словами, предыстория Коринфского конгресса характеризуется тем, что македонскому царю фактически уже удалось добиться господства в Греции. Однако отчасти в силу присущего Филиппу политического такта, отчасти же ввиду сохранения некоторыми греческими общинами потенциальной возможности к сопротивлению, заключительное устройство победителем политических дел в Греции было осуществлено так, что создавалась предпосылка для оформления этого положения общин, пусть чисто видимым, соглашением.

Вообще политика Филиппа всегда характеризовалась стремлением свои фактические достижения в осуществлении державных интересов Македо-

⁵⁵ *Diod.*, XVI, 89, 2: τὰς πόλεις ἀπεφαίνετο βούλεσθαι διαλεχθῆναι περὶ τῶν συμφερόντων.

⁵⁶ Там же, § 3: διόπερ ἐν Κορίνθῳ τοῦ κοινῶς συνεδρίου συναχθέντος... προστρέφατο τοὺς συνέδρους εἰς πόλεμον.

⁵⁷ Ср. *Wilcken*, *Beiträge zur Geschichte...*, стр. 10 слл., 28 сл.; он же, *Philipp II...*, стр. 309 сл.

⁵⁸ *Diod.*, XVI, 89, 3: τέλος δὲ τῶν Ἑλλήνων ἐλομένων αὐτὸν στρατηγὸν αὐτοκράτορα τῆς Ἑλλάδος κτλ. *Par. Oxy.* I, № 12, стб. III, сткк. 9—13: τὸ κοινὸν τῶν Ἑλλήνων συνελθόντες Φίλιππον αὐτοκράτορα στρατηγὸν εἶλαντο τοῦ πρὸς Περσῶν πολέμου. Ср. аналогичное назначение Александра в 336 г.: *Diod.*, XVII, 4, 9: ἐπίεισε τοὺς Ἑλληνας ψηφίσασθαι στρατηγὸν αὐτοκράτορα τῆς Ἑλλάδος εἶναι τὸν Ἀλέξανδρον κтл.; менее точны свидетельства других источников, которые не делают различия в использовании официальных терминов и, говоря о назначении македонского царя командующим в войне с персами, употребляют все то же слово ἡγεμῶν (resp. dux), — *Агг.*, *Anab.* VII, 9, 5 (для Филиппа); *Plut.*, *Alex.* 14, 1; *Агг.*, *Anab.* I, 1, 2; *Justin.*, XI, 2, 5 (для Александра). Ср. *Wilcken*, *Beiträge zur Geschichte...*, стр. 27 сл. Вслед за Вилькеном признают такое особенное назначение Филиппа в стратеги-автократы: *Bergue*, *ук. соч.*, I, стр. 231; *Schwahn*, *ук. соч.*, стр. 56; отрицают: *M. Schuele*, *Стратηγὸς αὐτοκράτωρ. Staatsrechtliche Studien zur griechischen Geschichte des V. und IV. Jahrhunderts.* *Diss.*, *Lpz.* 1932, стр. 12 слл.; *Momigliano*, *ук. соч.*, стр. 500, 510 сл.; *Hampl*, *ук. соч.*, стр. 46, 135; ср., однако, контр-возражения Г. Бенгсона: *H. Bengtson*, *Die Strategie in der hellenistischen Zeit*, I, München, 1937, стр. 3 слл.; он же, *Griechische Geschichte*, 2-е изд., стр. 317.

⁵⁹ К церковной сессии конгресса относили это решение Вилькен и Белох (*Wilcken*, *Beiträge zur Geschichte...*, стр. 25 сл.; *Beloх*, *ук. соч.*, III², 1, стр. 576), ко второй — тот же Вилькен в своей более поздней статье (*Philipp II...*, стр. 310, прим. 3; ср. *Schwahn*, *ук. соч.*, стр. 57 сл.).

нии закреплять формальными актами, которые должны были сообщать законность новому положению. Так, за уничтожением ферской тирании и утверждением Филиппа в Фессалии последовало избрание его в вожди Фессалийского союза, а за разгромом фокидян и проникновением македонцев в Среднюю Грецию — назначение Филиппа руководителем Дельфийской амфикистии. И в данном случае, после завершающей победы, ему, очевидно, казалось нелишним оформить свое новое положение соответствующим конституционным актом. Что инициатива в созыве общегреческого конгресса целиком принадлежала ему, победителю, в этом, во всяком случае, сомневаться не приходится. Но отсюда следует, что и заинтересован в этом конгрессе был более всего сам Филипп.

С другой стороны, в решениях Коринфского конгресса отчетливо выступает преобладание македонских интересов. Это очевидно даже в отношении решения о гражданском и политическом мире в Греции. Внимание к интересам состоятельной верхушки греческого общества могло играть здесь лишь побочную роль. И уж совершенно бесспорно выступает преимущественная забота Филиппа о собственных интересах в решении, определившем организацию новой политической системы, о новой симмахии. Возможно, по замыслу устроителя эта симмахия должна была будить в греках воспоминания о славном Эллинском союзе времен Греко-персидских войн, однако по существу эта новая организация не имела ничего общего со свободным союзом эллинов. Она была сродни гегемонистским объединениям типа Афинской или Пелопоннесской архэ или той системе, которая была навязана грекам условиями Анталкидова мира. Наконец, не может быть поставлена под сомнение важная роль собственно македонских интересов и в решениях, определивших будущую внешнюю политику нового союза. Война с Персией была неизбежна с точки зрения ближайших державных интересов Македонии. Она была необходима македонскому царю и для сообщения на будущее надлежащей устойчивости созданной им политической системе. При этом естественна была спекуляция царя на панэллинских настроениях греческого общества. Однако реальная политика определялась именно державными интересами Македонии, а не призывами идеологов панэллинства.

Коринфскому конгрессу должно быть отведено место не столько в истории собственно эллинской, сколько в истории державной македонской политики, последовательным проводником которой, и только ее одной, был царь Филипп. Оформленное решениями Коринфского конгресса объединение Эллады не было результатом внутреннего, спонтанного развития греческого общества. Это объединение было навязано эллинским полисам силой оружия, а затем закреплено мнимым равноправным соглашением в Коринфе. Ни о создании единого греко-македонского государства, ни даже о фактическом союзе македонской монархии с состоятельной верхушкой греческого общества говорить не приходится. Результатом политического творчества Филиппа II, частью которого был и Коринфский конгресс 338/7 г., явилось создание симмахии традиционного гегемонистского типа, системы искусственной и эфемерной, не пережившей своего создателя (Александру пришлось снова возрождать ее к жизни). Очевидно, что считать Коринфский конгресс принципиально новым моментом греческой истории не приходится. Таким моментом, если иметь в виду в частности переход от классического периода к эллинизму, стала новая политическая ситуация, сложившаяся в ходе восточного похода Александра.

THE CONGRESS OF CORINTH IN 338/7 B. C.
AND THE UNIFICATION OF HELLAS*by E. D. Frolov*

Correct evaluation of the Congress of Corinth is very important for an understanding of Greek political history in the period of transition from the classical to the Hellenistic epoch. Modern historians are apt to stress the constructive character of the decisions taken at Corinth in 338/7 B. C. It is not infrequently maintained that these decisions mark the starting point in the evolution of the Hellenistic socio-political system. A careful study of the history of the Congress of Corinth cannot fail to raise doubts as to the soundness of such an evaluation of its role. The Congress does have an important place in history, but in the history not so much of the Hellenes as of Macedonian imperial policies. The unification of Hellas, formally instituted by the decisions of the Congress, did not result from an internal, spontaneous development of the Greek nation. Unity was imposed on the Hellenic cities by force of arms, then ratified at Corinth by an agreement ostensibly based on the equal rights of the parties. Nothing in this sequence allows one to speak either of the creation of a united Graeco-Macedonian state or even of a *de facto* alliance between the Macedonian monarchy and the prosperous upper layers of Greek society. By the exercise of his political talents Philip II created a symmarchy of the traditional hegemonic type, the artificial and ephemeral character of which is sufficiently plain. It is clearly impossible to maintain that the Congress of Corinth heralded the opening of a radically new era in Greek history. The true starting point, if one has in mind the transition from the classical to the Hellenistic period, was the new political situation which arose during Alexander's campaign in the East.